

Экспортные раскраски

ЯПОНСКАЯ КЕРАМИКА САЦУМА В ЭРМИТАЖЕ

рассматривает ОЛЬГА ЛУЗИНА

Божество милосердия Каннон с мальчиком, XVIII век

ПРОВИНЦИЯ САЦУМА в юго-восточной части острова Кюсю славилась керамическими изделиями с XIV века. В конце XVI столетия, когда местный князь Симадзу Есихира возвращался в свою вотчину после войны с Кореей, он прихватил с собой неприятельских гончаров, и в 1623 году здесь заработала первая мастерская по изготовлению посуды из обнатуренной тут же белой глины отменного качества. Из слияния японской, китайской, корейской, тайской традиций оформился стиль изделий: приятные округлые формы, светлый, желтовато-кремовый черепок, мелкие трещинки на глазури. Сначала роспись почти не использовали, но постепенно поверхность предметов стала покрываться изображениями цветов и животных, пейзажами, затем к ним присоединились боги, драконы, батальные и жанровые сцены — обычно в зеленовато-коричневой гамме, со временем все чаще с позолотой.

Таким и увидели стиль Сацума европейцы на Парижской выставке 1867 года, а еще через шесть лет, после экспозиции в Вене, вспыхнула настоящая мода на элегантную японскую керамику. По столицам ходили альбомы с образцами форм и декора, торговые компании заказывали целые тиражи изделий определенного типа. До экспорта формы вращались вокруг ритуала чайной церемонии — чаши, блюда, вазы для цветов, курильницы, корбочки для благовоний, — но Запад сразу потребовал чайные и кофейные сервизы с блюдами, чайниками и сахарницами. На рубеже XIX–XX веков мода на все японское приобрела характер эпидемии, и стиль Сацума подхватили другие центры производства керамики. Особенно прославились мастера Киото, Осаки и Йокогамы, которые покупали у сацумских гончаров недекорированные заготовки и расписывали их. Стремясь привлечь охочих до изысканной роскоши европейцев, керамисты изощрялись в техниках обработки и способах украшения предметов: рельеф, тиснение, ажурная резьба, роспись плотными красками, создающими выпуклые линии на поверхности, орнаментация, позолота и даже заимствованная у художников Мейсенской мануфактуры в Германии техника жидкого золота («суйкин»). Теперь божества, драконы и сюжетные изображения не несли особой смысловой нагрузки, а скорее усиливали экзотическую декоративность изделий. Если первые образцы стиля Сацума, попавшие на западный рынок, восхищали (в том числе, несомненно, импрессионистов) невинной чистотой фона, свободной асимметрией декора, безусловным подчинением форме, вещи конца XIX — начала XX века нередко перегружены укра-

НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВЕКОВ
МОДА НА
ВСЕ ЯПОНСКОЕ
ПРИБРЕЛА
ХАРАКТЕР
ЭПИДЕМИИ

шениями, густая растительная вязь разползается по кремовой поверхности, вместо полета кисти ощущается тщательная выстроенность композиции, рельеф и резьба нарушают цельность формы.

В Эрмитаже хранится семьдесят предметов стиля Сацума, из них к доэкспортной эпохе, XVIII веку, относится с полдюжины, а лучше всего представлен рубеж XIX–XX веков. Ряд вещей происходит из личной коллекции Николая II, они были приобретены во время путешествия на Восток в 1890–1891 годах, остальные поступили после революции, в основном из Этнографического отдела Русского музея. Почти все экспонаты выставляются впервые.

Курильница и скульптура «Божество милосердия Каннон с мальчиком» XVIII века задают точку отсчета для всей выставки: бежево-белый цвет керамической массы оттеняет подглазурная темно-коричневая роспись, декор сугубо образнителен и лишен вычурности, спиралевидные и геометрические орнаменты указывают на тайские традиции XIII–XIV веков — эту разновидность стиля называют сункороку. В других вещах того же времени, скульптуре божества довольства и благополучия Хотэя или сосуде с рельефным изображением птицы, отчетливо видно влияние корейских и китайских образцов. В первой половине XIX века отмечался спад производства керамики в провинции, и этот период в Эрмитаже не представлен. Зато с середины столетия идет бурное развитие стиля: на скульптурах, вазах и предметах посуды появляются рельефная отделка и надглазурная полихромная роспись «нисикидэ», что означает «парчовый узор». Рельеф зачастую обыгрывает сужение тулова ваз к горлышку: например узкая ваза, которая приписывается главе одной из крупнейших мастерских Киото Кинкодзану Собэю VII (1870–1890-е) и украшена реалистичной жанровой сценой с активно взаимодействующими человеческими персонажами и божествами, будто присобрана у горлышка и подвязана бечевкой. Еще оригинальнее решена монументальная ваза с монограммой «Н», на которую сверху будто бы опускается корона, — вероятно, присланная к коронации Николая II в 1896 году (форма Тина Дзюкана XII, роспись Тина Дзюсэя, 1890-е): тулово вазы, рас-

Корзинка (клетка для сверчка), XIX век

писанное изящными зарослями с контрастом острых листочков и круглых цветков, будто накрыто узорчатой салфеткой с позолотой и опять же прихвачено бечевкой с кисточками — этакий драгоценный бочонок меда. Поражает тщательностью отделки узкоглазый слон с ушами спаниеля, несущий на спине трехъярусную пагоду (1890–1891): все его тело испещрено штрихами позолоты, на пагоде одинаково бритые человечки играют на музыкальных инструментах и, похоже, сражаются со словесным хоботом.

Бывали и более радикальные решения. Например ажурная резьба, прорезающая форму насквозь: одна ваза напоминает беседку с окошками за изящной решеткой, в другой выпилены душла, где на ветках сидят птицы и насекомые, а точечный узор на боках вазы имитирует облака, в которых еще летят пернатые (работа мастерской Миягава Кодзана, 1880-е). Стенки загадочной круглой банки с ручкой все в длинных прорезях — корзинка? клетка для сверчка? Про курильницу (1880-е) никак не сказать, что это функциональный предмет: ножки-раковины поддерживают подушку, на ней оскалился дракон, держащий шар, на который присела золоченая жар-птица. Тут и тиснение, и восхитительная яичница из волосатых голов, лошадей, деревьев и бог знает чего еще, шкварчающая на боках шара. Складывается впечатление, что японские мастера просто насмехались над гайдзинами с тугими кошельками: хотите побогаче? поэкзотичнее? пояпонистее? А сами, вдоволь надыривив вазы, возвращались к успокоительным кобальтовым и коричневым узорам, к родным летящим иероглифам по чистому фону. Они, конечно, не китайцы, чтобы отправлять на Запад вещи, сделанные небрежно, но всей этой показной роскошью максимально удалялись от собственных идеалов простоты, покоя, умиротворенности. От восприятия чистой, неукрашенной поверхности как ценности. От аскетичной цельности формы. От естественной земляной гаммы. За несколько десятилетий стиль Сацума стал противоположностью собственной исходной формуле, превратился в крикливую мешанину восточных мотивов и виртуозных технических приемов. Его экспортная версия не имеет ничего общего с теми вещами, которые японские мастера делали для внутреннего потребления. Наверное, современные японцы сильно удивляются, когда видят европейские коллекции, составленные, как эрмитажная, на рубеже XIX–XX веков.

Эрмитаж, с 25 сентября до 13 декабря